

Книга Даниила — номер сто девять

Раскрытие тройного применения пророчества: пророческое значение девятой главы Откровения и современного реформаторского движения

Jeff Pippenger

2024-03-01

Первая половина девятой главы книги Откровения говорит о пятой трубе, которая является первым горем, а вторая половина главы — о шестой трубе, которая является вторым горем. Обе трубы наглядно изображены на пионерских диаграммах 1843 и 1850 годов. Когда последние шесть стихов одиннадцатой главы Даниила были раскрыты во время конца в 1989 году, с распадом Советского Союза, началось реформаторское движение ста сорока четырёх тысяч.

Среди истин, признанных в 1989 году, — истина о великих реформаторских движениях библейской истории и о том, что все они параллельны друг другу. Все пророки, а следовательно, и всякая священная история, включая священные реформаторские движения, иллюстрируют заключительное великое реформаторское движение ста сорока четырёх тысяч, которое также является мощным движением третьего ангела. Когда начинается процесс запечатления, начинается также и окропление позднего дождя. Раскрытие реформаторских движений в 1989 году, а затем и раскрытие последних шести стихов одиннадцатой главы книги Даниила в 1992 году создало атмосферу сопротивления, как это всегда происходит, когда раскрывается новая истина для настоящего времени.

В ответ на противление истине о последних шести стихах одиннадцатой главы книги Даниила Господь открыл истину о том, что пророческая история языческого Рима, в сочетании с пророческой историей папского Рима, как утверждено на основании двух свидетелей, указывает на пророческую историю современного Рима. Было признано правило тройного применения пророчества, и впоследствии оно использовалось для защиты от заблуждений и для распознавания и утверждения истины. Правила, утверждающие, что каждая линия реформы параллельна другим линиям реформы, и правила, связанные с тройным применением пророчества, стали фундаментом правил, установленных в движении третьего ангела, как это было прообразно показано правилами, установленными, применёнными и опубликованными в истории миллеритов.

Правило тройного применения пророчества было раскрыто для движения ста сорока четырёх тысяч, ибо они — движение позднего дождя, а ислам третьего горя — это весть позднего дождя. Принцип тройного применения пророчества был указан Львом из колена Иудина задолго до того, как ислам третьего горя вошёл в историю 11 сентября 2001 года, ибо Он желал, чтобы Его народ последних дней легко распознал весть, выраженную приходом третьего горя, когда Он возвратил Свой народ к древним стезям Иеремии.

Пионерское толкование пятой и шестой труб, изложенное в девятой главе Откровения, считалось тем отрывком книги Откровения, который наиболее твердо и ясно подтверждается историей. Уриа Смит начинает своё изложение девятой главы Откровения, цитируя слова историка Кейта, чтобы подчеркнуть именно эту мысль.

«Для изложения этой трубы мы вновь обратимся к сочинениям мистера Кита. Этот автор верно замечает: 'Едва ли найдётся столь единодушное согласие среди толкователей относительно какой-либо другой части Апокалипсиса, как относительно отнесения пятой и шестой трубы, или первого и второго горя, к сарацинам и туркам. Это настолько очевидно, что едва ли можно понять иначе. Вместо одного-двух стихов, отводимых каждой, вся девятая глава Откровения, поровну разделённая, посвящена описанию обеих труб.' Урайя Смит, Даниил и Откровение, 495.»

Деление на главы первого и второго «горя» выделяет историю первого горя, представленного Мухаммедом. Эта история географически соотнесена с тем, что историк Александр Кейт называет сарацинами, — тем, что сегодня мы назвали бы Аравией. История второго горя, представленная Османом I, географически относится к Турции, которую историк отождествляет с турками. История первого горя имела место и исполнилась в Аравии, родине ислама и Мухаммеда. История второго горя имела место и исполнилась в Турции, родине Османской империи.

История первого горя описывает военные действия, которые велись против Рима независимыми воинами, и единственным объединяющим их союзом была религия — ислам. История второго горя описывает военные действия, которые велись против Рима организованной религиозной и государственной властью, называемой халифатом. В обоих случаях — будь то независимые военные действия против Рима в истории, представленной Мухаммедом, или организованные военные действия, представленные Оттманом или Османской империей, — способ ведения войны заключался в том, чтобы нападать внезапно и неожиданно. Это были не такие военные действия, при которых всех солдат одевали в одинаковую форму, затем выстраивали в линию и вели их под огонь, как это было принято в военной практике того времени. Слово «ассасин» основано на исламском способе ведения войны — внезапных и неожиданных ударах, которые обычно приводили и к гибели самого нападавшего.

Слово «assassin» происходит от арабского «hashshashin», которое восходит к слову «hashish», означающему «гашиш» или «конопля». Изначально этим термином называли тайную и фанатичную группу низаритских исмаилитов-мусульман на Ближнем Востоке в средние века. Члены этой группы были известны нетрадиционными и часто насильственными методами, включая использование политических убийств для достижения своих целей. Говорят, что иногда они употребляли гашиш, чтобы подготовиться к своим заданиям, что привело к употреблению термина «hashshashin» или «assassins» в западном мире. Ассасины действовали в средние века, главным образом в Персии и Сирии, и сыграли значительную роль в различных политических конфликтах и убийствах того времени. Со временем слово «assassin» проникло в европейские языки, где стало шире обозначать лиц,

совершающих политические или точечные убийства.

Этот способ ведения войны является важной пророческой характеристикой трех горей, ибо пророческая роль ислама — породить войну. Ислам как символ целиком связан с войной, и в девятой главе Откровения ислам первого и второго горя служит иллюстрацией их военных действий. Их военные действия в книге Откровения представлены как то, что разгневляет народы незадолго до закрытия времени испытания.

И разгневались народы, и пришел гнев Твой, и наступило время мертвых, чтобы они были судимы, и дать возмездие рабам Твоим, пророкам и святым, и боящимся имени Твоего, малым и великим, и погубить разрушающих землю. Откровение 11:18.

«Народы» приводятся в «ярость» непосредственно перед тем, как приходит гнев Божий, а гнев Божий, как он представлен в книге Откровение, — это семь последних язв, которые изливаются, когда закрывается время испытания для человечества. В стихе упомянуты три вехи: разъярение народов, гнев Божий и время судить мёртвых. Суд над мёртвыми, о котором здесь говорится, — это суд над нечестивыми умершими, происходящий во время тысячелетия, а не исследовательный суд над мёртвыми, начавшийся 22 октября 1844 года. Сестра Уайт ясно говорит, что эти три вехи в стихе различны и происходят в том порядке, в каком они приведены в стихе.

Мне было показано, что гнев народов, гнев Божий и время суда над мёртвыми — отдельны и различны, следуют одно за другим; а также, что Михаил ещё не восстал и что время скорби, какой никогда не бывало, ещё не началось. Народы теперь гневаются, но когда наш Первосвященник завершит Своё служение в святилище, Он восстанет, облечётся в одежды мщеника, и тогда изольются семь последних язв.

«Я видела, что четыре ангела будут удерживать четыре ветра до тех пор, пока дело Иисуса в святилище не будет завершено, а затем придут семь последних язв». Ранние произведения, 36.

Роль ислама в последней книге Библии заключается в том, чтобы разгневать народы, и достигается это посредством войны. Роль ислама в первой книге Библии — привести к тому, чтобы рука каждого человека в мире была обращена против ислама, представленного в образе Исмаила.

И Ангел Господень сказал ей: вот, ты беременна и родишь сына, и наречёшь ему имя: Измаил; ибо Господь услышал страдание твоё. Он будет между людьми, как дикий осёл; рука его будет против всех, и рука всех — против него; жить будет он пред лицом всех братьев своих. Бытие 16:11, 12.

Слово «рука» как символ, подобно всем библейским символам, может иметь более одного значения в зависимости от контекста, в котором оно используется. Чаще всего «рука» как символ в библейском пророчестве является символом войны. Еврейское слово, переведённое как «дикий человек», обозначает дикого аравийского осла, что имеет несколько важных пророческих следствий, одно из которых состоит в том, что аравийский

осёл относится к семейству лошадиных, как и лошадь. В девятой главе книги Откровение и на обеих священных таблицах Аввакума (пионерских таблицах 1843 и 1850 годов) лошадь используется как символ войны, которую представляет ислам, связанный с тремя горями. Первое и последнее упоминание ислама — в книге Бытие и книге Откровение — отождествляют ислам с символом семейства лошадиных (осёл или лошадь) и подчёркивают роль ислама как силы, приносящей войну «всякому человеку» (народам).

В книге Откровения, в девятой главе, одиннадцатом стихе, раскрывается характер ислама, ибо в пророческом смысле характер выражается именем. Имя, данное царю, правящему исламом, отражает то первое упоминание об исламе в книге Бытия, где написано, что характер или дух Исмаила «будет жить пред лицом всех своих братьев». Царь, который правит всем исламом, — это дух Исмаила (их царь), рука которого «против каждого человека».

И над ними был царь, который есть ангел бездны; имя его по-еврейски — Авадон, а по-гречески — Аполлион. Откровение 9:11.

Будь то Ветхий Завет, написанный на еврейском, или Новый Завет, написанный на греческом, личность, властвующая над приверженцами религии ислама, отождествляется либо с Авадоном, либо с Аполлионом, что в обоих случаях означает «смерть и разрушение». Смерть и разрушение — это характер ислама, будь то в Ветхом или в Новом Завете. Конкретные характеристики духа, который царит внутри каждого приверженца ислама, в связи с символом осла или коня, являются элементами первого и последнего упоминания об исламе. Эти два пророческих атрибута несут подпись Альфы и Омеги. Когда Сестра Уайт отождествляет весть, оживляющую сто сорок четыре тысячи, с могучей армией третьего ангела, она говорит следующее:

«Ангелы удерживают четыре ветра, представленные в виде разъярённого коня, стремящегося вырваться на свободу и устремиться по лицу всей земли, неся на своём пути разрушение и смерть.

«Неужели мы будем спать на самом пороге вечного мира? Неужели мы будем вялыми, холодными и мёртвыми? О, если бы в наших церквах был Дух и дыхание Божье, вднутое в Его народ, чтобы они стали на ноги свои и ожили. Нам нужно видеть, что путь тесен и врата узки. Но когда мы проходим через тесные врата, их широта оказывается без предела». Manuscript Releases, том 20, 217.

Четыре ветра удерживаются во время запечатления ста сорока четырёх тысяч, и четыре ветра — это «разъярённый конь», несущий «смерть и разрушение на своём пути». 11 сентября 2001 года третья горе вошло в пророческую историю, принеся «смерть и разрушение», тем самым «разгневав народы», когда оно поразило духовную славную землю «внезапно и неожиданно». 7 октября 2023 года третья горе продолжило свой путь «смерти и разрушения», ещё более «разгневав народы», когда оно «внезапно и неожиданно» атаковало буквальную славную землю. Первый неожиданный удар ознаменовал начало периода запечатления ста сорока четырёх тысяч, а недавняя атака 7 октября 2023 года знаменует

начало заключительного периода, или «связывания», запечатления ста сорока четырёх тысяч. Будем ли мы спать на самом пороге вечного мира?

На обеих священных пионерских диаграммах ислам первого и второго горя графически изображён мусульманскими воинами, скачущими на своих боевых конях. В обоих изображениях всадник на боевом коне первого горя держит копьё, а всадник на коне, представляющем второе горе, стреляет из винтовки. Это различие ясно обозначено в девятой главе Откровения, ибо именно в истории второго горя был изобретён порох и впервые применён в военных действиях. Комментируя стихи с семнадцатого по девятнадцатый девятой главы Откровения, Юрайя Смит пишет следующее:

Первая часть этого описания может относиться к внешнему виду этих всадников. Огонь, выступая как обозначение цвета, означает красный; выражение «красный, как огонь» является частым оборотом речи; гиацинт — для синего; а сера — для жёлтого. И эти цвета значительно преобладали в одежде этих воинов; так что описание, согласно этому взгляду, точно соответствовало бы турецкой форме, в которой в значительной мере использовались красный, или алый, синий и жёлтый. Головы коней по виду были как львиные, чтобы обозначить их силу, отвагу и свирепость; тогда как последняя часть стиха несомненно относится к применению пороха и огнестрельного оружия для целей войны, которые тогда были лишь недавно введены. Поскольку турки стреляли из огнестрельного оружия верхом, удалённому наблюдателю могло казаться, что огонь, дым и сера исходят из ртов коней, как это показано на прилагаемой иллюстрации.

Относительно применения турками огнестрельного оружия в их походе против Константинополя Эллиотт (*Notes Apocalypticæ, Vol. I, pp. 482–484*) говорит так: «Именно „огонь, и дым, и сера“, то есть артиллерия и огнестрельное оружие Махомета, обусловили убиение третьей части людей, т. е. взятие Константинополя и, как следствие, разрушение Греческой империи. С тех пор, как она была основана Константином, прошло уже более одиннадцати столетий. За это время готы, гунны, авары, персы, болгары, сарацины, русские и, в самом деле, сами османские турки совершали на него враждебные нападения или осаждали его. Но укрепления были для них неприступны. Константинополь выстоял, и вместе с ним — Греческая империя. Отсюда и тревога султана Махомета, и его стремление найти то, что снимет препятствие. „Можешь ли ты отлить пушку, — спросил он перебежавшего к нему пушечного литейщика, — такого размера, чтобы обрушить стену Константинополя?“ Тогда в Адрианопле была устроена литейная, пушки отлиты, артиллерия подготовлена, и осада началась».

Заслуживает внимания то, как Гиббон, всегда невольный комментатор апокалиптического пророчества, выдвигает на передний план своей картины это новое средство ведения войны в своём красноречивом и впечатляющем повествовании об окончательной катастрофе Греческой империи. Предваряя это, он излагает историю недавнего изобретения пороха, «той смеси селитры, серы и древесного угля»; рассказывает о его раннем употреблении султаном Амурадом, а также, как уже было сказано, о литейной Махомета для более крупных пушек в Адрианопле; затем, в ходе

самой осады, описывает, как «залпы копий и стрел сопровождалась дымом, звуком и огнём мушкетного и пушечного огня»; как «длинный строй турецкой артиллерии был наведён на стены, четырнадцать батарей гремели одновременно по наиболее доступным местам»; как «укрепления, которые веками выдерживали враждебное насилие, были со всех сторон разрушены османскими пушками, сделано множество проломов, а у ворот Святого Романа четыре башни сравнены с землёй»; как, когда «с линий, с галер и с моста османская артиллерия гремела со всех сторон, лагерь и город, греки и турки, были окутаны облаком дыма, которое могло быть рассеяно лишь окончательным освобождением или уничтожением Римской империи»; как «двойные стены были обращены артиллерией в груды развалин»; и как турки, наконец, «поднимаясь через проломы», «Константинополь был покорён, его империя низвергнута, а его религия попорана в прах мусульманскими завоевателями». Скажу, что весьма заслуживает внимания, насколько явно и выразительно Гиббон приписывает взятие города — и тем самым разрушение империи — османской артиллерии. Ибо что это, как не комментарий к словам нашего пророчества? «Этими тремя была убита третья часть людей: огнём, дымом и серою, исходившими из их уст».

'СТИХ 18. Этими тремя была убита третья часть людей: огнем, дымом и серой, которые исходили из их уст. 19. Ибо сила их — в их устах и в их хвостах; ибо хвосты их были подобны змеям и имели головы, и ими они причиняют вред.'

"Эти стихи описывают гибельные последствия вновь введённого способа ведения войны. Именно посредством этих средств — пороха, огнестрельного оружия и пушек — Константинополь был окончательно взят и отдан в руки турок." Урия Смит, Даниил и Откровение, 510–514.

Мы продолжим рассмотрение третьего горя в следующей статье.

Прошлой ночью я проснулся ото сна с тяжёлым бременем на сердце. Я передавал весть нашим братьям и сёстрам, и это была весть предостережения и наставления относительно деятельности некоторых, отстаивающих ошибочные теории о принятии Святого Духа и Его действии через человеческие орудия.

Мне было указано, что фанатизм, подобный тому, с которым нам пришлось столкнуться после истечения времени в 1844 году, снова появится среди нас в заключительные дни вести, и что мы должны встретить это зло столь же решительно теперь, как встречали его в наших ранних опытах.

Мы стоим на пороге великих и торжественных событий. Пророчества исполняются. В небесных книгах записывается необычная и насыщенная событиями история — те события, о которых было объявлено, что они вскоре должны предшествовать великому дню Божьему. Все в мире находится в неустойчивом состоянии. Народы разгневались, и ведутся большие приготовления к войне. Народ замышляет против народа, и царство — против царства. Великий день Божий быстро приближается. Но, хотя народы собирают свои силы для войны и кровопролития, повеление ангелам все еще остается в силе: удерживать четыре ветра, пока рабы Божьи не будут запечатлены на челах. Избранные

вести, книга 1, 221.